

УДК 1 (091) + 16

МЫ И НАШИ ПРОЕКЦИИ: ПСИХОАНАЛИЗ И ПОЛИТИКА. Диалоги с Александром Кантором

Фан Ирина Борисовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Аннотация

В беседе обсуждаются возможности психоанализа в исследовании современных политических лидеров и психологии масс. Особое внимание уделяется проблеме болезненности сознательной рефлексии большинства россиян над собственным бессознательным, а также проблеме экзистенциальной травмы, переживаемой населением после распада СССР и тем способам ее «лечения», которые предлагает президент В.В. Путин.

Ключевые слова:

психоанализ, политика, политический лидер, психология масс, бессознательное, либидо.

Александр Матвеевич Кантор (1950, Москва) – историк, кандидат исторических наук, и психолог, специализирующийся в области психоанализа и глубинной психологии, докторант психологии; преподаватель вуза, консультант учреждений психологической помощи.

И.Ф.: Александр Матвеевич, давайте начнем наш разговор с обсуждения самого метода психоанализа, его возможностей и границ. Сейчас можно встретить множество материалов на политические темы, в названии которых упоминается слово «психоанализ», и зачастую в совершенно неадекватных значениях. Обилие публицистической и биографической литературы о политиках, и в первую очередь, о В.В. Путине, не ведет к объективному познанию, не способствует раскрытию «тайны» и сути их личности, соответствия стиля деятельности и управления этих политиков акту-

альным задачам, стоящим перед российским обществом и государством. Что Вы думаете по поводу непрофессионального использования элементов психоанализа?

А.К.: Психоанализ давно доказал свою состоятельность в понимании сложных и глубоких – как личностных, так и социокультурных проблем, а также свою применимость в терапии и даже в управлении. Что касается феномена политического лидерства, то это, по сути, ядро психоаналитических концепций, описывающих иллюзии и коллизии детско-отцовских отношений, лежащих в основе и политической власти. Психоаналитическое мышление в узком смысле, как род осознания скрытых мотивов и переживаний, было всегда присуще подлинным мыслителям, философам и художникам. Чаще всего в этом ряду упоминают Ф.М. Достоевского. Уместно вспомнить и А.С. Пушкина, который устами Самозванца в «Борисе Годунове» задолго до открытий З. Фрейда вполне психоаналитично определил сакрально-родительский характер российской власти:

«Я знаю дух народа моего:
В нем набожность не знает исступленья,
Ему священ (!-А.К.) важней пример царя его».

Впрочем, это касается и обычных людей. Возьмите фольклор, русский или других народов, в нем содержится немало пронизательных суждений подобного рода. Например, о власти: «чело (т.е. лоб) свербит, да вот кланяться некому», или о роли первичных фаз развития: «с каким обычаем в колыбельку, с таким и в могилку», или о механизме проекции и переноса: «сам по себе знает, да на других лает» и т.д. Конечно, психоанализ как наука и практика исцеления, несомненно, требует профессионального владения теоретическими представлениями и практическими умениями и навыками.

И.Ф.: Ведущие специалисты в области политической психологии давно и плодотворно исследуют типы политического лидерства, достаточно назвать М. Вебера, Г. Лассуэла, Д.М. Бернса, Ж. Блонделя, В.Д. Джоунса, М. Херманн, Е. Кобланскую, Е. Лобковскую

и других. Все эти авторы профессионалы, стремящиеся создать объективное и принципиально нейтральное описание лидеров. Есть авторы, применяющие психоанализ к современным политикам. Встречаются и статьи, посвященные непосредственно личности нынешнего российского президента. Однако после чтения некоторых из статей остается ощущение недосказанности, того, что суть личности осталась не выявленной или, как минимум, не открытой для публики. Авторов скорее волнует его имидж в восприятии населения, нежели главные мотивы его политического поведения или сама его личность. Некоторые волны относительного снижения рейтинга В. Путина или небольшие негативные тенденции в эффективности его имиджа в публичном пространстве, рассматриваемые в подобных текстах, выглядят (или являются?) скорее советами для имиджмейкеров и пиарщиков, нежели отвечают на вопрос о способности данного лица адекватно решать проблемы общества. Каково Ваше отношение к такому взгляду на политическое лидерство?

А.К.: Я думаю, Вы правы. На мой взгляд, подобные статьи носят политтехнологический характер. Скорее всего, они написаны по заказу – либо Кремля, либо по заказу «собственного сердца», и являются, по сути, проекцией желаний авторов видеть В. Путина таковым, как они о нем пишут. Мне как-то попались несколько публикаций российских и зарубежных авторов, приписывающих Путину целый набор идентичностей: он и государственный, и рыночник, и консерватор, и новатор, и диктатор... и т.д. – в одном флаконе. И президент действительно дает тому основания. И, прежде всего, собственным имиджем. Мы наблюдали по телевидению полеты Путина за штурвалом самолета, потом с птицами, его погружение в море на подводной лодке, ныряние за амфорами. Мы могли видеть, как он входил в клетки с дикими животными, которые его принимали спокойно, а на прочих рычали и кидались. Мы могли слышать, пусть в шутку, его игру на фортепьяно и пение. Сам В.В. Путин говорил о своем президентстве как о «рабстве на галерах». В общем, это почти Петр Великий по А.С. Пушкину: «... То академик, то герой,

то мореплавателю, то плотнику. Он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник». Имидж, придающий фантазии избирателей самый широкий ассоциативный и, разумеется, позитивный простор. И, полагаю, более чем востребованный правящим классом России, который Путин возглавляет. Культурный антрополог, исследующий первобытные общества, сравнил бы нашего президента с шаманом, способным путешествовать в трех мирах – небесном, земном и подземном. И это сравнение было бы явно в пользу Путина, который присутствовал в этих мирах куда реальнее, нежели шаман. В очень ранних обществах, точнее, общинах военный вождь также являлся вождем духовным, то есть шаманом. Собственно, и сам Путин подыгрывает подобным определениям, например, репрезентируя себя через воинственные образы киплинговского «Маугли». Профессор А.И. Белкин еще в самом начале путинского президентства писал о сочетании в его характере черт выносливого, спокойного верблюда и взрывной, пластичной рыси [3]. Можно вспомнить и другие политические метафоры – ястреба плюс голубя, а согласно классификации В. Парето, лисы и льва. Некоторые современные политологи предпочитают применять к политике Путина модное понятие «гибридности».

И.Ф.: Стереотипный образ работы психоаналитика, сложившийся под влиянием массовой культуры, это кушетка, врач и пациент один на один, долгие разговоры этих двоих о детских травмах, эдиповом комплексе и т.д. Занимается ли психоанализ массовым сознанием и массовыми настроениями людей, и в какой мере?

А.К.: Разумеется. Открытия З. Фрейда и созданные им идеи и теории индивидуального бессознательного обладают колоссальным антропологическим потенциалом, поэтому они сразу же были распространены на проблемы социальной психологии, психологии масс. Особенно важны в данном контексте представления З. Фрейда о массе как особым образом организованной толпе, связанной внутри себя отношениями между индивидами и привязанной к вождю «либидозным» образом [12, с. 824]. Эта связь толпы и вождя основана

на либидо – эротической энергии влечения. Именно поэтому толпа обретает свойства компульсивности, навязчивости, и аффективности, предельной эмоциональности. Иначе говоря, масса именно «влюблена» в вождя (лидера, президента). Она максимально себя с ним идентифицирует, одновременно испытывая ненависть к чужой массе, любящей своего (чужого) вождя. Более того, З. Фрейд считал, что в массе оживает первобытная орда, отсюда сходство массы и орды. Вышесказанное я смею отнести к современному российскому обществу, которому по многим причинам присуща варваризация и даже одичание. Но это очень серьезный вопрос, который следует обсуждать отдельно. Мне приходилось об этом говорить в интервью Т. Антоновой [2].

И.Ф.: Много, что пишется о состоянии массового сознания россиян, о российской ментальности, весьма правдоподобно. В психоаналитической традиции по отношению к этому состоянию подчеркиваются моменты незрелости, инфантильности, недоразвития, зависимости, несамостоятельности и т.п. С этими характеристиками трудно не согласиться, поскольку за ними – давняя традиция рефлексии самосознания российской культуры в целом, и политических ее аспектов, в частности. Вы, Александр Матвеевич, и другие психоаналитики в ряде своих статей говорили о Тени, о болезненности процесса сознательной рефлексии над собственным бессознательным у большинства россиян. Можно вспомнить и весьма яркую характеристику массового сознания, осуществленную А. Белкиным [3]. Он говорил о травме, переживаемой населением после распада СССР, о глубоком чувстве унижения. Все это так и не совсем так. Можно обвинять россиян в стремлении отрицать свой негативный образ. Этот образ фиксируется, с одной стороны, социологами – например, представителями Левада-Центра, достаточно вспомнить понятие негативной идентичности Л. Гудкова [5], с другой стороны, психологами и психоаналитиками – Вами [6], А. Сосландом [11] и рядом других авторов. Как правило, вслед за таким, зачастую весьма убедительным и аргументированным диагнозом, идет либо нормативная картинка «хорошего»

западного общества и человека, либо пессимистические ссылки на константы российской цивилизации и вытекающую из них неизменность нашей ментальности и бесперспективность модернизации «по западным образцам». Никакого позитивного выхода не показывается. Давайте поставим себя на место человека, которому говорят: ты не вполне цивилизованный инфантил, находящийся в полной зависимости от власти, обожеествляющий эту самую власть, идентифицирующий с ней, а она порочна, но твое сознание этого не видит, тебе надо расти над собой и т. д. Но перспектива, будущее, позитивное, доброе в ментальности этого россиянина мало или вообще не показывается. Как на это реагирует человек? Сначала он задумывается, соглашается – с одной негативной характеристикой, с другой, третьей, но когда этих негативных моментов оказывается слишком много, а позитивных почти нет, реакция начинает меняться. Этот человек смотрит на тех, кто ему это говорит? Оказывается, что это говорят ему «американцы, западники, либералы, евреи» и «гнилая интеллигенция». Откуда-то берется много конспирологических версий событий, направляющих эту реакцию и это восприятие. От рефлексии человек переходит к логике обвинения и подозрительности и поискам внешнего и внутреннего врага. В частности, в массовых настроениях по поводу сегодняшней ситуации вокруг Украины и участия в ней России поднялась огромная волна консерватизма, ностальгии по СССР, своеобразного патриотизма, фундаментализма и т. д. В этой волне просматривается некий отклик на травму, возникшую в результате распада СССР, тоска по позитивному самовосприятию и самоощущению. Вместо работы над собой в российском самосознании включается комплекс разделения на «мы» и «они» (своичужие, друзья-враги), реваншизм и все остальное. Вопрос в следующем: не кажется ли Вам, что в анализе психологии массовых настроений должны быть все же отмечены объясняющие, в какой-то мере оправдывающие и позитивные моменты, на которые можно было бы опереться, чтобы массы могли строить свое будущее с верой в себя, что критика и самокритика должны быть более конструктивными?

А.К.: Думаю, что сказанное Вами в отношении «оправдывающих и позитивных моментов» и «конструктивной» критики и самокритики, как это следует из цитированных идей Фрейда, к массам относиться не может. Рефлексия как способность критически отражать, воспринимать окружающий мир и самого себя, вырабатывать конструктивные идеи и ценности – удел исключительно индивидуальных личностей, субъектов, ответственных за собственное мышление и поведение. И это процесс сознательный, которым занимаются психоаналитики уже постфрейдовского, последнего поколения. В этой связи заслуживают внимания работы социологов и когнитивных антропологов, особенно, Ш. Айзенштадта [1]. Он исследовал роль в культуре и обществе «интеллектуальных очагов», малых групп, состоящих из увлеченных пассионарных, харизматических личностей, ориентированных на «спасение». Таковыми в истории человечества были не только религиозные, но и светские мыслители. Отдельный вопрос, существуют ли подобные «конструктивные» интеллектуальные очаги в нашей стране...

И.Ф.: Теперь о возможностях психоанализа в исследовании личности политических лидеров. Возможен ли психологический анализ политика заочно и насколько адекватным он будет? Ведь политики зачастую весьма скупко делятся информацией о себе, тем более сложно найти информацию о детских психологических травмах и кризисах. При обилии литературы о В.В. Путине, самая важная для психоанализа информация содержится, на мой взгляд, лишь в книге «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» [9]. Книга вышла под исключительным контролем самого президента. Известны ли другие источники информации о психологии В. Путина, что-либо кроме того, что он сообщил о себе в этой книге?

А.К.: А разве прочее – поступки, решения, изречения президента таковыми источниками не являются? Некоторых мы уже касались выше.

И.Ф.: В этой книге есть некоторые «говорящие» детали, например, дед В.В. Путина был поваром в семье В.И. Ленина, а потом кормил и И. Сталина. Здесь есть какая-то личная нить,

связывающая В. Путина и «отца народов». Или еще один интересный момент времени перестройки: периода массового энтузиазма первых лет реформ в России семья В. В. Путина не видела, они в это время были в ГДР. Имеют ли эти детали какое-то значение?

А.К.: В свете психоанализа я обратил бы внимание на семью В. Путина, прежде всего, на строгого отца, часто ругавшего сына за плохие отметки в школе. Ортодоксальный психоаналитик может рассматривать поведение Путина как проработку им открытого Фрейдом «комплекса Эдипа» – страха пред отцом и соперничества с ним. Президент как бы продолжает диалог с уже покойным отцом, доказывая ему собственную состоятельность: смотри – кем я стал, чего я достиг в своей жизни.

И.Ф.: В книге «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» есть и такой фрагмент. На вопрос журналиста: «Вам хочется быть президентом или не хочется?» он ответил: «Да. Это приятное чувство ответственности». Как это можно проинтерпретировать?

А.К.: По-моему, это также одно из подтверждений эдипальных переживаний Путина и, тем самым, одна из точек его роста как личности, субъекта, того, о чем сейчас говорят: «мужчина сказал – мужчина сделал».

И.Ф.: Известна Ваша статья «Политика глазами психоаналитика» [7], а также интервью А. Ваганову «Путин. Опыт политического психоанализа» [4], где Вы дали психологический портрет второго президента РФ в первый период его правления. Что можно сказать об изменениях, динамике его личности на фоне прошедших четырнадцати лет? И есть ли вообще какие-то изменения, может быть, сейчас на наших глазах происходит полная реализация его изначальных планов?

А.К.: Многие из журналистов и политологов отмечают большую уверенность в себе Путина, большую зрелость как политика и, я бы добавил, весомость его личности.

И.Ф.: В упоминаемой уже нами книге, то есть в начале своего президентства В. В. Путин говорил, что хотел бы, чтобы граждане воспринимали его как человека, которого наняли на работу на четыре года. В настоящее время он не говорит ничего подобного и все

идет к тому, что срок его пребывания на данном посту не будет ограничен по времени. Что-то произошло с личностью нашего президента или те слова были декларацией с самого начала?

А.К.: Здесь я бы отметил такой факт, что президент и вообще любой политический деятель не может не зависеть от «свиты, играющей короля». Вряд ли эта свита однородна. Так что на президента распространяется и другая сторона «комплекса Эдипа»: ведь теперь он – сам «отец», с которым явно или скрыто конкурируют его «сыновья». Кстати, как Вы знаете, вождю в архаическом обществе, при всей его абсолютной власти постоянно угрожала гибель – в случае утраты им властных качеств, ибо это сказывалось на судьбе руководимого им племени. Если последнее происходило, то согласно древнейшим обычаям, его могли и должны были! отправить, как говаривали римляне *ad patres* (к праотцам), дабы он, вождь-отец, мог уже непосредственно обратиться к ним за помощью. Данный обычай дошел до нас и в русской поговорке: «не было отца – купил бы его; был бы отец – убил бы его». В общем, такой вождь должен уметь выживать, быть сурвивалистом (термин англоязычных психологов от *survive* – выживание).

И.Ф.: Александр Матвеевич, как Вы думаете, почему рейтинги В. В. Путина почти при любой ситуации оказываются высокими? Понятно, что включены механизмы манипуляции общественным мнением, но эти механизмы не могут не опираться и на реальные настроения масс. Почему большинство населения не осознает неэффективности его системы управления экономикой и другими сферами общества, почему общественное мнение не видит весьма серьезных его просчетов, ошибок, промахов, его весьма осторожного поведения даже во времена трагедий и катастроф, таких как «Курск», «Норд-Ост», Беслан? Почему народ не только одобрил В. В. Путина в качестве преемника Б. Н. Ельцина, но и спустя 14 лет признает его легитимность или, по А. Белкину, «живет в браке» с ним, не «разводится»? Неужели изначальный кредит доверия еще не исчерпан? Или еще одна версия: неужели тот образ Путина, в котором воплотились

ожидания масс в 2000-е годы, дает политические результаты в нынешнее время, то есть те начальные ожидания масс сбываются и реализовываются? Получается, что все эти годы В.В. Путин готовился к какой-то войне?

А.К.: Какими могут быть «реальные настроения масс» в условиях выживания: тотальная коррупция, полуфеодалная система власти, криминальная бюрократия и т.д. и т.п. О положении пенсионеров, молодежи из небогатых (стало быть, бедных семей) можно даже не упоминать. Впрочем, подобное можно сказать и о состоятельных слоях населения, испытывающих страхи перед возможным рейдерским захватом собственности. Всеобщая психотравматизация общества: «спасайся, кто может». Хаотичный мир, перевернутый приХватизацией «лихих 90-х», почти по Оруэллу («1984»), где «мир – это война», «свобода – это рабство»; можно добавить: «демократия – это грабеж», «справедливость – это обман»... Чернуха в жизни и на экране, какая-то треш (от англ. trash) мусорная, или «культура жопы» (извините, но именно так определяют ситуацию, сложившуюся в российской массовой культуре, специалисты по эстетике безобразного) окружает наше общество. Ситуация выживания инициирует, согласно современному психоанализу (М. Кляйн), «параноидно-шизоидную позицию» личности [8], расщепленность ее связей с миром и самой собой, страхи преследования. По-моему, мы вправе описывать эту ситуацию в терминах военного положения. Путин пришел к власти, начиная с 1999 г., если помните, на фоне взрывов как «спаситель»! И для него как человека спецслужб, которые даже в мирное время находятся всегда «на посту», «на боевом дежурстве», как и для таких же профессионалов война «как мать родна»! Тогда о каком разводе с «отцом», «вождем», «шаманом» может идти речь в данной экстремальной ситуации?! Совсем наоборот: главное – держаться за него! Почему-то вспомнился А. Галич: «мы стоим за дело мира, мы готовимся к войне...».

И.Ф.: Значит ли это, что В.В. Путин – это очередная проекция бессознательных представлений населения на первое лицо государства, проекция страхов и надежд, плод вооб-

ражения, фантазий и желаний? В чем тайна его привлекательности среди женской части населения? И каково соотношение манипуляции и «естественной любви» в его образе?

А.К.: Давно замечено, что масса мазохистична, во всяком случае, жертвенна, а значит и женственна. И почему бы ей не хотеть от Путина «ребенка» – надежды на лучшее? Кстати, такую фантазию недавно озвучила депутат Госдумы Е. Мизулина, предложив рассылать патриотически настроенным женщинам «генетический материал» президента. Чего здесь больше – манипуляции или любви? По-моему, не считите за «мужской шовинизм», в любой женщине оба этих качества уживаются. Да, в конце концов, «муж и жена – одна сатана»...

И.Ф.: Психологический портрет В.В. Путина, созданный А. Белкиным в книге «Вожди или призраки» [3], опирается на работы классиков психологии, размышлявших о вождях, тоталитаризме, фашизме – Э. Фромма [13], Д. Ранкура-Лаферриера [10], Э. Эриксона [15] и других. При осмыслении этого материала возникает множество аналогий и параллелей с одиозными вождями. Однако вряд ли стоит делать скоропалительные выводы и ставить знак тождества между В.В. Путиным и, скажем, Гитлером или даже Сталиным. Почему-то нет ощущения, что в В.В. Путина российский народ «впал» подобно тому, как это произошло с немецкой нацией. Вообще, есть ли у Путина харизма? Ведь до сих пор ведутся дискуссии о том, благодаря чему он стал президентом. Что если он исключительно искусственно сконструированный фантом, «робот», плод специально организованной коллективной галлюцинации?

А.К.: Да, пусть «фантом» или «робот», но вряд ли галлюцинация. Во всяком случае, «тоталитарный объект» (М. Шебек) [14] – это своего рода спасающий компонент народной и вообще всякой человеческой психики, и он «включается» (актуализируется) именно в кризисные моменты существования психики. В данном случае, «тоталитарный объект» спроецирован на президента, от которого, соответственно, ждут и «тотального» спасения от сил зла.

И.Ф.: Давайте посмотрим на окружение В.В. Путина, на его отношения с разными группами и отдельными лицами в самом узком круге политической элиты. Исследования Б. Дубина, Л. Гудкова, О. Крыштановской и других показывают, что в последние 14 лет доминирующее положение в элите заняли представители силовых структур. Какова степень влияния силовиков на политические решения, принимаемые В.В. Путиным, и наоборот, насколько самостоятелен, автономен от силовиков он сам? Он действительно «железная стрела» (выражение Б.Н. Ельцина), «Хозяин»?

А.К.: Ну, о «свите, играющей короля» я уже говорил выше. А силовые структуры это, конечно, та еще фирма. И, естественно, такая фирма явно предпочтет «железного хозяина»...

И.Ф.: Каков жизненный и политический стиль В.В. Путина? Каковы социально-психологические последствия его власти для россиян? Чего ждать от него в дальнейшем?

А.К.: Выше уже говорилось о пластичности и определенной, если хотите, полифоничности стилистики путинского поведения. Она, в общем-то, отвечает данной российской ситуации «периферийного капитализма» (Г. Явлинский) и даже феодального общества (В. Шляпентох). Лично я порою вижу в нашей стране черты палеолитического общества собирателей и охотников, учитывая уровень развития экономики, зависимость от природных ресурсов. Общества такого типа называют в западной антропологии «band societies». В этом контексте Путин вполне адекватный лидер, он равно умеет быть архаичным и современным. В отличие от его критиков с обеих сторон – националистов и либералов, мыслящих, как правило, однобоко и фанатично. Ведь именно последние виновны в приходе к власти силовиков, поскольку пребывая при Б. Ельцине у власти, они ничуть не озаботились (помимо распила собственности) созданием демократической правовой системы. В. Путин же, кажется, никогда не впадал ни в националистическую (это редкое качество для российских политиков), ни в либеральную ересь. Говорят, что он принимает решения в самый последний момент – когда «сама война план подскажет». Так что, поживем – увидим. Куда денемся...

1. Айзенштадт А. Цивилизационные измерения социальных изменений. Структура и история // Цивилизации. – Вып. 4. – М.: МАЛП, 1997.

2. Антонова Т. Лечебный эффект разъяренной толпы. Интервью с А. Кантором. – URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2013-11-26/14_crowd_effect.html.

3. Белкин А. Вожди или призраки. – М.: Олимп, 1998.

4. Ваганов А. Путин. Опыт политического психоанализа. Интервью с А. Кантором // Независимая газета. – 11.11.2003.

5. Гудков Л. Негативная идентичность. – М.: НЛЮ – ВЦИОМ-А, 2004.

6. Кантор А.М. Аффект и власть в России. Между нарциссизмом и расщеплением // Бытие и время психоанализа. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2000.

7. Кантор А. Политика глазами психоаналитика // Общественная газета. – 20.03.2008.

8. Кляйн М. Зависть и благодарность. – М.: Издательство Б.С.К., 1997.

9. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. – URL: <http://www.vagrius.com/html/books/putin/>.

10. А. Сосланд. Путин: разгадка секрета. – URL: <http://gilbo.ru/index.php?art=1235&page=psy>.

11. Д. Ранкур-Лаферриер. Психоанализ Сталина // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. – Самара: Издат. Дом «БАХРАХ», 1999. – С. 481–552.

12. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // З. Фрейд. Я и Оно: Сочинения. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – С. 769–838.

13. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии // Вопросы философии. – 1991. – № 9. – С. 61–160.

14. Шебек М. Тоталитарная психика // Журнал практической психологии. – 2010. – № 4.

15. Э. Эриксон. Психоанализ Гитлера // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. – Самара: Издат. Дом «БАХРАХ», 1999. – С. 449–480.

1. Ajzenshtadt A. Civilizacionnye izmereniya social'nyx izmenenij. Struktura i istoriya // Civilizacii. – Вып. 4. – М.: МАЛП, 1997.

2. Antonova T. Lechebnyj e'ffekt raz'yarennoj tolpy. Interv'y u s A. Kantorom. – URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2013-11-26/14_crowd_effect.html.

3. Belkin A. Vozhdi ili prizraki. – М.: Олимп, 1998.

4. Vaganov A. Putin. Opyt politicheskogo psixoanaliza. Interv'y u s A. Kantorom // Nezavisimaya gazeta. – 11.11.2003.

5. Gudkov L. Negativnaya identichnost'. – М.: NLO – VCIOM-A, 2004.

6. Kantor A.M. Affekt i vlast' v Rossii. Mezhdunarцissizmom i rasshhepleniem // Bytie i vremya psixoanaliza. – М.: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2000.

7. Kantor A. Politika glazami psixoanalitika // Obshhaya gazeta. – 20.03.2008.

8. Klyajn M. Zavist' i blagodarnost'. – М.: Izdatel'stvo B.S.K., 1997.

9. Ot pervogo lica. Razgovory s Vladimirom Putinyim. Gevorkyan N., Timakova N., Kolesnikov A. – URL: <http://www.vagrius.com/html/books/putin/>.

10. A. Sosland. Putin: razgadka sekreta. – URL: <http://gilbo.ru/index.php?art=1235&page=psy>.

11. D. Rankur-Laferrier. Psixoanaliz Stalina // Rajgorodskij D.Ya. Psixologiya i psixoanaliz vlasti. T. 1. Xrestomatiya. – Samara: Izdat. Dom «BAXRAX», 1999. – S. 481–552.

12. Frejd Z. Psixologiya mass i analiz chelovecheskogo Ya // Z. Frejd. Ya i Ono: Sochineniya. – M.: Izd-vo E'ksmo; Xar'kov: Izd-vo «Folio», 2002. – S. 769–838.

13. Fromm E'. Adol'f Gitler: klinicheskij sluchaj nekrofilii // Voprosy filosofii. – 1991. – № 9. – S. 61–160.

14. Shebek M. Totalitarnaya psixika // Zhurnal prakticheskoy psixologii. – 2010. – № 4.

15. E'. E'rikson. Psixoanaliz Gitlera // Rajgorodskij D.Ya. Psixologiya i psixoanaliz vlasti. T. 1. Xrestomatiya. – Samara: Izdat. Dom «BAXRAX», 1999. – S. 449–480.

WE AND OUR PROJECTIONS: PSYCHOANALYSIS AND POLITICS.

Conversations with Alexander Kantor

Fan Irina Borisovna,

Doctor of Political Science, Senior Researcher,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Annotation

In an interview discussed the possibility of psychoanalysis in the study of modern political leaders and mass psychology. Particular attention is paid to the problem of pain conscious reflection on the majority of Russians own unconscious, as well as the problem of existential trauma, experienced by the population after the collapse of the USSR and the way of its «treatment», offered by President V. V. Putin.

Key words:

psychoanalysis, politics, political leaders, mass psychology, the unconscious, the libido.